

на этот счет имеется более авторитетная статья В. Грюмеля (REB, 1945, № 3).

Упомянув о процессе вестарха Михаила Пселла против Элпидия (Любарский не сомневается, что этот вестарх — наш философ; с. 29—30), автор не говорит о той острой дискуссии, которая имела место в специальной литературе по вопросу об атрибуции личности «вестарха» (в частности, Р. Гийан, на которого ссылается Любарский, считает этого Пселла не имеющим никакого отношения к философу и писателю Пселлу; см. об этом: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 192).

Непонятно, почему автор, поместив в конце книги указатель имен, не дал также указателя географических названий.

Оценивая работу в целом, подчеркнем еще раз, что мы считаем ее крупным событием в советском византиноведении. Зрелая, тщательная, богатая мыслями и наблюдениями, содержащая оригинальные и свежие выводы, являющаяся результатом многолетних исследований автора, монография Я. Н. Любарского привлечет, несомненно, внимание мировой научной общественности и получит высокую оценку.

* * *

Почти одновременно, несколькими месяцами ранее рассмотренной монографии, вышла в свет другая работа Я. Н. Любарского, посвященная Михаилу Пселлу: в академической серии «Памятники исторической мысли» был опубликован выполненный тем же автором перевод исторического труда византийского писателя. Издание рассчитано отнюдь не на специалистов в первую очередь, научный аппарат сведен к минимуму, отсутствует библиография, не воспроизведен греческий текст и т. д. Помимо перевода всего текста «Хронографии», включая «Письмо царя к Фоке» (с. 6—196), книга имеет ряд приложений. Это прежде всего большая статья «Историограф Михаил Пселл» (с. 198—263), примечания (с. 264—301), аннотированный список византийских титулов и должностей (с. 302), хронологическая таблица событий, упомянутых в «Хронографии» (с. 303—305), указатель имен (с. 307—316).

Мы считаем возможным говорить и

* * *

Успешное развитие советского византиноведения способствует возрастанию интереса к истории и культуре Византийской империи не только среди медиевистов, но и среди более широкого круга читателей. Свидетельством этому служит увеличение количества выходящих в свет исследований по разным проблемам византийской истории, а также издания византийских текстов в переводах на русский язык¹. Хотя такие издания печаются

¹ Напомним некоторые из этих книг: Агафий. О царствовании Юстиниана/

о собственно научном значении этого труда Любарского. Оно состоит, во-первых, в тщательности научного перевода, выполненного с учетом почти всего прочего литературного наследства писателя и, что особенно важно, с учетом новонайденной рукописи «Хронографии», а также тех конъектур и эмендаций, которые были предложены после издания Рено и получили признание специалистов.

Во-вторых, прилагаемая к переводу статья представляет собой частью сокращенные, а частью, напротив, расширенные выводы рецензировавшей выше монографии, т. е. обобщенный, хотя и облегченный, вариант серьезного научного исследования.

В-третьих, в примечаниях к тексту «Хронографии» Любарский скрупулезно отмечает все трудности перевода, темные места, расхождения в трактовке текста с другими учеными. Подобные замечания весьма ценны для всех тех, кто впредь обратится к «Хронографии» как к историческому источнику или памятнику византийской литературы.

Перевод Любарского к тому же сделан прекрасным литературным языком, весьма удачно, на наш взгляд, передающим стилистические особенности и художественные достоинства оригинала.

В качестве недостатка издания мы указали бы на ряд мелких фактических погрешностей в примечаниях. Так, например, паракимомен Василий сохранял огромное влияние на дела управления империей не только в правление Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия (с. 264), но и в первое десятилетие царствования Василия II (отстранен от дел он был в 985 г., как это верно отмечено на с. 266).

Нет никаких оснований считать Диррахий резиденцией Деляна: (см. с. 273): уже встреча Деляна и Тихомира произошла не в этом городе, а, скорее всего, в Скопье или другом городе Македонии.

Перевод Любарского — прекрасное дополнение к его монографии о личности и творчестве Пселла. Не случайно, что уже сейчас, через два года, эта со вкусом изданная книга, несмотря на ее значительный тираж (52 700 экз.), стала библиографической редкостью.

Г. Г. Литаврин

таются немалыми тиражами, однако они становятся вскоре настоящей библиографической редкостью.

Перевод, статья и примечания М. В. Левченко. М.; Л., 1953; Анна Комнина. Алексиада / Вступительная статья, перевод, комментарии Я. Н. Любарского. М., 1965; Византийская любовная проза / Перевод с греческого, статьи и примечания С. В. Поляковой. М.; Л., 1965; Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле / Перевод и послесловие А. Д. Александрова. М., 1969; Советы и рас-

Рецензируемые книги Я. Н. Любарского представляются нам значительными и интересными. Первая из названных книг посвящена личности и творчеству Михаила Пселла — одного из самых выдающихся византийских писателей и философов, а вторая содержит перевод лучшего и самого большого сочинения Пселла — его «Хронографии».

Фигура Пселла, как известно, получила в литературе разнообразные и противоречивые оценки: его сравнивали с Шекспиром, Вольтером, Лейбницем, Спинозой и даже с Достоевским. Сами эти сопоставления не только, как правильно оценивает их Я. Н. Любарский, подчеркивают значимость избранного им автора, но и указывают на слабую осведомленность о нем: многие произведения Пселла до сих пор не опубликованы несмотря на то, что они сохранились в многочисленных списках, свидетельствующих о их распространенности в середине века.

Исследование Я. Н. Любарского начинается критическим обзором посвященных Пселлу трудов (с. 3—21). В конце этого обзора автор определяет поставленную им перед собой задачу — характеризовать своего героя в его «многообразных отношениях с современниками». «Только во взаимоотношениях с окружающим миром, и в первую очередь в отношениях с людьми (личных и общественных, первые постоянно переходят во вторые и наоборот), человек реализует и проявляет вовне свою сущность» (с. 20). Нельзя не согласиться с Я. Н. Любарским относительно трудностей, возникающих при таком направлении исследования; трудности эти происходят, с одной стороны, из-за возможности необъективной оценки современников Пселла, так как информация о них дается только самим Пселлом, а с другой — по причине недостаточной изученности эпистолярного наследия Пселла: многие письма не датированы, адресаты их неизвестны (или сомнительны), неизвестны также многие упоминаемые в письмах лица и т. п. Несмотря на многочисленные трудности, избранный метод плодотворен, так как благодаря обширной переписке Пселла, содержащей разнообразные и пока еще мало использованные сведения об окружающих его людях, среди которых были представители самых разных слоев византийского общества (императоры и члены их семейств, политические деятели, духовные лица, ученые и писатели, мелкие чиновники), Я. Н. Любарскому удается дать цельное представление о философе, писателе, государственном деятеле, показать самобытность его личности и мироощущения.

сказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подготовка текста, введение, перевод и комментарии Г. Г. Литаврина. М., 1972. Вышли также две хрестоматии: Памятники византийской литературы IV—IX веков. М., 1968; Памятники византийской литературы IX—XIV веков. М., 1969.

Следует отметить, что избранный Любарским метод исследования вполне соответствует направлению современных исследований прошлого, в которых все большее место занимает именно человеческая личность. В этом отношении особенно интересен последний раздел первой части книги (с. 117—124, «Вместо заключения»), где речь идет о понятиях «дружба» (*φιλία*) и «друг» (*φίλος*), постоянно присутствующие в письмах византийцев; разбор этих понятий служит автору поводом для изучения характера взаимоотношений не только между Пселлом и его корреспондентами — это частный случай, — но также и для изучения характера общения между людьми в византийском обществе вообще.

Литературному творчеству Михаила Пселла посвящена вторая часть книги, где разбираются его письма, сочинения по риторике (речи и трактаты по теории красноречия), но главным образом «вершина творчества» — «Хронография», Глава, посвященная «Хронографии», начинается археологическим обзором списков этого сочинения; далее исследователь переходит к жанровым его особенностям, композиции и «искусству построения образов и психологического проникновения в творчестве Пселла» (с. 204). Впервые в научной литературе исследованы эстетические взгляды и литературная позиция Пселла, его понимание теории литературы и литературной критики. Сюда же (т. е. к анализу художественных особенностей творчества писателя) относится и разбор внешнего облика героев «Хронографии».

Особое внимание привлекает заключительный раздел под названием «Пселл и проблема византийского предгуманизма», который заканчивается следующим выводом: «Если со всеми сделанными оговорками тенденции византийской культуры XI в., продолженные в XII в., следует называть предгуманистическими, то первым по времени и лучшим их выразителем надо считать Михаила Пселла» (с. 247).

Книга Я. Н. Любарского по существу не ограничена только фигурой Пселла и его творчеством, но является трудом более широкого диапазона. Принятая исследователем методика в сочетании с глубокими познаниями по истории средневековой греческой империи, ее литературы и культуры в целом позволила ему не только всесторонне обрисовать личность и талант своего героя, но и включить в книгу очерки по византийской историографии и риторике — эта последняя тема мало известна в русской византиноведческой литературе. Обзор риторики наглядно показывает, насколько византийская «томительная риторика» была далека от церковного проповедничества, воспринятого из Византии древнерусской учительской литературой, во многом ближе соотносимой с искусством христианских риторов IV в., которым была свойственна «теплота чувств и искренность тона» (с. 153). Распространенная в империи поздняя риторика не при-

вилась в Восточной Европе, где она была не нужна, а где требовалось проповедническое искусство, способное обслуживать нужды христианской церкви. Светская литература Византии осталась чуждой народам Восточной Европы, заинтересованным в создании национальной письменности, а не в заимствовании письменности, традиции которой восходили к литературе античности и эллинизма.

Вторая книга Любарского, содержащая перевод «Хронографии» Пселла, дает возможность читателям, не знакомым с греческим языком, познакомиться с одним из наиболее значительных произведений средневековой литературы в сочетании с его исследованием и подробными комментариями. Благодаря искусно выполненному переводу, прекрасному знанию языка переводчику удалось сохранить своеобразие стиля автора, живость изложения, манеру характеристики героев, умение показать их внешность, пороки и достоинства, поведение в различных жизненных обстоятельствах, что помогает лучше понять и представить себе византийское общество той эпохи. Положения, высказываемые автором в его ис-

следованиях, получают наглядную иллюстрацию при чтении перевода.

Обе рассмотренные в настоящей рецензии книги являются, на наш взгляд, значительным явлением в советском литературоведении.

Автором допущены некоторые недосмотры. Так, в первой книге в археологическом обзоре сочинений Пселла не учтены списки, хранящиеся в собраниях Советского Союза. В качестве иллюстраций к тексту (помещенные в начале глав «Хронографии» изображения императоров) лучше было бы использовать такие же изображения, имеющиеся в рукописи новогреческой «Хроники Псевдо-Дорофея» (Ленинград, Библиотека Академии наук СССР, собрание иностранных рукописей, F № 240), нежели заимствовать эти изображения из печатного издания. На с. 231 второй книги упомянутую имя Василия Нового Богослова — вероятно, речь идет о Симеоне Новом Богослове? Там же, на с. 179, согласно подписи, изображение Романа IV датируется 950 г., в то время как этот император правил более века спустя.

Е. Э. Гранстрем

Я. Н. Шапов. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М.: Наука, 1978. 292 с.

Книга Я. Н. Шапова написана на основе докторской диссертации, защищенной в 1977 г. Она состоит из введения (с. 3—12) и четырех глав. Во введении автор обосновывает выбор темы своего исследования, его хронологические рамки и определяет те основные методологические принципы, которыми он намерен руководствоваться при подходе к материалу и его интерпретации.

Предметом исследования Я. Н. Шапова является история правового византийского и южнославянского наследия на Руси на ее раннем этапе — в XI—XIII вв. по преимуществу (хотя и не исключительно) — история так называемых «кормчих книг» — сборников канонического права. Исследователь поставил своей целью рассмотреть историю рецепции, модификации и развития кормчих книг на Руси в органичной связи с особенностями социально-экономического, политического и идеологического развития Русского государства в указанную эпоху. Только такая постановка вопроса способна дать ответ на такие важные вопросы, как круг появившихся на Руси переводных правовых памятников, критерии отбора, обеспечившие рецепцию одних норм иноземного законодательства и неприятие других, и, наконец, практические цели заимствования — каким конкретно институтам и явлениям древнерусского общества такое заимствование соответствовало и способствовало их развитию (с. 7).

Непременным условием такого подхода, кроме того, должно было быть предварительное и достаточно четкое выяснение уровня, характера, специфики действующих юридических норм и са-

мого правосознания на Руси ко времени, когда началось активное усвоение норм византийского и южнославянского права. Это последнее условие было, однако, в существенной мере уже подготовлено (до разработки темы рецензируемого исследования) более ранними научными занятиями автора¹.

Первая глава книги («Кормчие книги как предмет изучения» — с. 13—39) дает представление о состоянии научных исследований кормчих книг в работах предшественников Я. Н. Шапова, содержит обзор и характеристику выявленных списков кормчих и излагает основные методические приемы их изучения, принятые автором и разработанные им в связи с конкретными задачами своей работы.

Автор отдает должное своим предшественникам, тщательно и скрупулезно регистрируя их вклад в исследование разрабатываемой темы. Тем не менее сопоставление историографического обзора с результатами исследования самого автора позволяет сказать, что до выхода в свет рецензируемой монографии кормчие книги, составляющие значительную часть рукописного фонда древнерусских и южнославянских памятников, оставались скорее забытыми музейными реликвиями, чем введенными в научный обо-

¹ См.: Шапов Я. Н. Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М.: Наука, 1972; Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. Издание подготовил Я. Н. Шапов. М.: Наука, 1976; см. также список относящихся к теме работ Я. Н. Шапова в последнем из названных изданий (с. 217—218).